

ЮРЕВИЧ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ

член-корреспондент РАН, доктор психологических наук,
зам. директора Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, г. Москва
e-mail: yurevich@psychol.ras.ru

Стратегии развития Российской науки

В статье рассматриваются различные стратегии развития российской науки. По мнению автора, адекватная стратегия ее развития не может носить «внутренний» по отношению к отечественной науке характер, а должна охватывать перестройку ее взаимоотношений с нашим обществом. Основными компонентами такой стратегии автор считает: 1) выработку четкого и максимально конкретного социального заказа отечественной науке, 2) создание условий для его выполнения — научную политику в традиционном, узком смысле слова, 3) «расчистку дороги» науке в виде рационализации массового сознания, устранения конкуренции со стороны магов, астрологов, колдунов, а также всевозможных видов псевдонауки.

Ключевые слова: российская наука, стратегии развития, научная политика, функции науки, фундаментальные исследования, рентабельность, прагматизм, паранаука, система образования

Неизбежная рентабельность

Нынешнее состояние российской науки не столь катастрофично, как в 1990-е гг., когда было принято говорить о ее тяжелейшем кризисе, а то и «коме». Однако для вывода о том, что кризис отечественной науки преодолен, который иногда делают представители власти, пока, к сожалению, нет оснований — кроме, естественно, их желания представить ситуацию в розовом свете. Как свидетельствуют опросы, по-прежнему подавляющая часть наших ученых считает, что отечественная наука переживает кризис (Прихидько, 2008; и др.), что, впрочем, не мешает чиновникам, ответственным за науку, рапортовать еще более высоким чиновникам в духе изречения психолога У. МакГайра: «Неизвестно, был кризис или нет, хорошо, что он кончился». А проведенный нами опрос отечественных науковедов, которые отвечали на вопрос: «Как бы Вы оценили нынешнее состояние российской науки по сравнению с ее состоянием в начале 1990-х гг.??», принес следующие результаты.

Как видно на рисунке 1, «оптимисты», полагающие, что состояние нашей науки по сравнению с началом 1990-х изменилось к лучшему (71 %), явно преобладают над «пессимистами», считающими, что оно ухудшилось (13 %). Вместе с тем, среди «оптимистов» преобладают «умеренные оптимисты», по мнению которых состояние российской науки улучшилось, но ненамного, в то время как среди «пессимистов» доли считающих, что положение дел сильно ухудшилось, и что оно ухудшилось, но незначительно, примерно равны. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что никто из опрошенных не занял «нулевую» позицию, высказавшись за то, что по сравнению с началом 1990-х в нашей науке практически ничего не изменилось. А среди выбравших ответ «Другое» преобладали те, кто считают, что нельзя оце-

нить *общее* состояние отечественной науки (приводятся, в частности, сравнения со «средней температурой по больнице»), поскольку разные типы науки и разные научные дисциплины оказались в существенно различном положении. Отмечалось также, что одно изменилось к лучшему, другое — к худшему, и такая ситуация препятствует вынесению результирующих оценок.

Вопрос: «Каково нынешнее состояние российской науки по сравнению с ее состоянием в начале 1990-х?»

Рисунок 1. Оценка отечественными науковедами состояния российской науки.

Опросы ученых и других категорий ученых демонстрируют также, что основные социальные проблемы современной российской науки сосредоточены не только в самой науке. Иррационалистические настроения в обществе, настоящий культ гадалок, колдунов, астрологов, экстрасенсов и прочей подобной публики, которой в современной России насчитывается более 300 тыс. «единиц», политика наших СМИ, явно отдающих предпочтение ей, а не ученым, разнообразные формы паразитирования на науке никогда не занимавшихся ею личностей, специфические особенности современного российского бизнеса, отсутствие нормального механизма взаимодействия науки и власти создают в нашем обществе среду, в которой полное преодоление кризиса и истинное возрождение отечественной науки пока маловероятно.

Вывод очевиден: для возрождения российской науки, придания нашему научному организму современного характера, перехода нашей страны с сырьевого пути развития на инновационный, построения «экономики знаний» самой по себе *внутренней* реформы, даже самой продуманной и успешной, отечественной науки явно недостаточно. *Необходимо радикальное изменение всего нашего общества и системы его взаимоотношения с наукой.* Необходима рационализация массового сознания и, в терминах М. Вебера, «всей общественной жизни», с которой — рационализации, как показано тем же Вебером (Вебер, 1990) и его последователями, и началось формирование науки Нового времени. Нам предстоит пройти этот, уже однажды пройденный мировой цивилизацией, путь. Необходима совершенно иная политика СМИ, предполагающая не формулу «деньги любым путем», а заботу об обществе, на которое они воздействуют, и ответственность перед ним. Необходимы возрождение морали и нравственности в нашем обществе и система контроля над теми, кто ради наживы или

из каких либо других побуждений грубо попирает нравственные нормы. Необходимы эффективные меры против шарлатанов, паразитирующих на науке и откровенно дурачащих сограждан. Необходима действенная система различения науки и лженауки и санкции против последней. Необходимо радикальное изменение общей атмосферы нашего бизнеса и создание приоритетных условий для наукоемкого инновационного предпринимательства. Необходимо изменение взаимоотношений науки и власти, возрождение, а во многом и формирование, традиции власти опираться на истинную науку, а не на ее суррогаты, а тем более — не на астрологов и экстрасенсов.

Упоминание о санкциях и ужесточениях, естественно, может породить опасения восстановления цензуры, возврата к тоталитаризму и т. п. В ответ на них можно напомнить то тривиальное обстоятельство, что без запретов никакое, даже самое свободное, общество не может существовать, что цивилизация, собственно, и начинается с запретов (считается, что она возникла в тот самый момент, когда человек впервые сказал себе «нет», тем самым противопоставив разум инстинктам), а дефицит внутренних запретов, заложенных в менталитете нации, должен компенсироваться запретами внешними — до тех пор, пока они не перейдут во внутреннюю форму, не будут, в терминах психологической науки, «интериоризованы» в массовой психологии. Первую стадию обретения свободы наше общество, безусловно, прошло и вплотную подошло ко второй и куда более трудной стадии, предполагающей наложение разумных запретов на эту свободу, превращение деструктивной, безответственной свободы в свободу конструктивную и ответственную. (В данной связи отметим, что идея либерализма в современной России не умерла и не потерпела крах — в отличие от паразитировавших на ней политических сил, но нуждается в радикальном обновлении и очищении от ее засорения псевдолибералами). Именно такая, конструктивная и ответственная, а не *любая* свобода, является одним из главных условий свободного развития науки, творчества и массового настроения на инновации, предполагаемого «экономикой знаний».

Стратегии *внутреннего* развития отечественной науки, системы представлений о том, каким путем (путями) ей следует развиваться, тоже необходимы — хотя бы потому, что пассивное ожидание, когда в нашем обществе сложится обстановка, благоприятствующая развитию науки, были бы сродни ее эвтаназии. Но, по сути, любая из этих стратегий не носит собственно «внутреннего» характера, предполагая тот или иной вариант приспособления науки к потребностям общества и акцентирование той или иной из ее социальных функций.

Так, реформаторы российской науки во всем разнообразии ее функций видят лишь рыночную функцию, упирая на то, что отечественная наука должна адаптироваться к рыночным отношениям, даже к таким специфическим, как те, которые сложились в нашей стране — в условиях сырьевой и криминализованной экономики, а развитие науки, дорогостоящий характер которой они не устают подчеркивать, во имя самой науки, ради более полного познания мира и других абстрактных — в их понимании — целей преподносят как «удовлетворение учеными личного любопытства за государственный счет», в рыночном, прагматически настроенном обществе вызывающее сильное раздражение.

В данной связи следует отметить, что даже если бы это было так, если бы наука развивалась из чистого любопытства (а именно так она и начинала развиваться в истории человечества, обретя прагматические ориентиры лишь сравнительно недавно), то такое любопытство было бы неверно сводить лишь к любопытству са-

мих ученых. Это качество — любопытство, желание узнать, как устроен наш мир и что находится за его пределами, — в той или иной мере свойственно значительной части человечества и сыграло немалую роль в том, что оно сейчас живет не в пещерах. Так что ученые удовлетворяют не только свое личное любопытство, но и любопытство большой и, наверное, лучшей части человечества, общечеловеческую потребность в объяснении и понимании реальности (Лекторский, 2008), а тех, кому это любопытство не свойственно, кто считает, что науку следует развивать лишь из прагматических соображений, можно только пожалеть. Но следует пожалеть и ученых — если ими руководят такие люди. Как пишет В. Н. Садовничий, «в последние годы в мире стала проявляться тенденция рассматривать науку, а вместе с ней и образование, преимущественно в плане экономической целесообразности. При этом стремление к получению быстрой финансовой отдачи становится препятствием к развитию фундаментальных научных исследований, которые, однако, могут дать результаты, хотя и уступающие в скорости внедрения, но несоизмеримые как по своей экономической эффективности, так и по социальной значимости. Перенос рыночных механизмов в сферу науки и образования чреват стратегическими потерями, которые в перспективе могут оказаться более ощутимыми, чем сегодняшняя выгода» (Садовничий, 2007:162).

Большинство предлагаемых чиновниками от отечественной науки программы ее рыночных преобразований страдают и элементарной психологической безграмотностью, будучи основанными на той идее, что деньги являются главной ценностью для ученых и, соответственно, основные мотивы их деятельности — получение прибыли и т. п. Естественно, ученые не живут в «башне из слоновой кости», как им предписано традиционными мифами о науке (Юревич, 2001), и ничто человеческое, в том числе и любовь к деньгам, им не чуждо. Однако ни одно из многочисленных исследований их мотивации не высвечивает первостепенную роль денег, что вполне понятно, поскольку люди, для которых главное в жизни — деньги, занимаются не наукой, а деятельностью, специально направленной на их зарабатывание — бизнесом. Симптоматично и то, что личности, которые, будучи ориентированы, в первую очередь, на заработки, но лишённые возможности легально заниматься бизнесом в советские времена и волею судеб занесенные в науку, впоследствии, когда такая возможность появилась, не замедлили уйти в бизнес, сформировав одну из главных траекторий «утечки умов» из российской науки (Юревич, Цапенко, 2001; и др.). Словом, люди, для которых главное в жизни деньги, наукой не занимаются по определению, в то время как программы рыночного преобразования отечественной науки рассчитаны именно на таких людей, в чем заключена очередная российская нелепость.

В то же время узкий прагматизм в отношении науки как логически, так и психологически неузвим. Если представление о том, что предназначение науки состоит в принесении прибыли, спроецировать на человека (этот прием, при всей его странности, вполне возможен), то и предназначение человека, а, значит, и смысл его жизни можно свести к зарабатыванию денег, и сделать вывод о том, что все рациональные люди должны быть бизнесменами. При всей несурзности этого вывода, наверняка, найдется немало людей, которые с ним согласятся, поскольку смысл своей собственной жизни видят именно в этом. Убедить их в другом практически невозможно — как и убедить сторонников прагматического подхода к науке в том, что смысл ее существования заключается не только в получении прибыли.

Подобный прагматизм очень органично вписался в марксистский стиль мышления (марксизм был не только догмой и «руководством к действию», но и стилем мышления) наших реформаторов науки, получивших советское экономическое образование. Традиция видеть в обществе лишь экономику, воспринимать его как состоящее из экономического базиса и, в общем-то, второстепенной социальной надстройки¹, нашим реформаторам, формально отвергнувшим марксизм, свойственна ничуть не меньше, чем его немногим сохранившимся адептам. Во многом, поэтому основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ — построение рыночной экономики, укрепление рубля, обуздание инфляции, рост, а затем и удвоение ВВП и т. п. — носили чисто экономический характер, а его важнейшие социальные проблемы — криминализация, коррупция, разрушение морали, социальная несправедливость и др. — в лучшем случае рассматривались по остаточному принципу. С начала 1990-х подобный подход применялся и к науке, что тоже дало плачевный результат. А попытки расширить представление о функциях науки, показать, для чего она нужна нашему обществу, преподносятся реформаторами, чуть ли ни как ее «антирыночный саботаж».

Вообще, следует отметить, что программы «рыночной ломки» отечественной науки предлагаются либо представителями узкоэкономического (марксистского) мышления, либо чиновниками, которые хотя и руководят наукой, но никогда сами ею всерьез не занимались и имеют смутные представления о ней. И то, и другое в сочетании с отсутствием науковедческой культуры у обеих категорий «рыночников», естественно, сказывается на их представлениях о том, как обеспечивается практическая отдача, в том числе и рыночная эффективность, науки. Они мыслят науку по аналогии с промышленным предприятием, где каждый работник непременно должен что-либо произвести, а работники, вклад которых неочевиден, рассматриваются как балласт, от которого надлежит избавляться. Подчас похожий взгляд на вещи разделяют и сами ученые, утверждающие, что их задача — производство *научного знания*, в то время как это производство предполагает «строительные леса» в виде парадигм, идей, гипотез, концепций и т. п., которые собственно *знанием* не являются, но абсолютно необходимы для его создания.

Кроме того, как продемонстрировали психологические обследования, ученые, работающие в научных группах, всегда исполняют определенные научно-исследовательские роли, такие как «генератор идей», «критик», «эрудит» и др. (Юревич, 2001); вклад их в производство научного знания далеко не равноценен. Собственно, само новое знание производят лишь «генераторы идей», исполнители же других ролей лишь помогают им в этом. Однако, если исполнители какой-либо из основных научно-исследовательских ролей в группе отсутствуют, соответствующее звено исследовательского процесса «выпадает», что сказывается и на эффективности «генераторов» (Юревич, 2001). В то же время при поверхностном взгляде на деятельность научных групп и их продукцию, характерном для чиновников от науки и узко мыслящих экономистов, «исполнители» вспомогательных научно-исследовательских ролей выглядят как «балласт», от которого следует избавляться.

¹ Этот стиль мышления А. Токвиль подвергает в своих работах (Toqueville, 1955; и др.) разрушительной критике, К. Поланьи называет «экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957), а М. Рац — «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономике» от марксистского разделения общества на экономический базис и социальную надстройку (Рац, 1997).

Сродни этому заблуждению и активно развивавшаяся в начале 1990-х гг. реформаторами отечественной науки идея о том, что в условиях экономически необходимого ее сокращения в ней следует оставить лишь наиболее продуктивных ученых, а их коллегам, не отличающимся высокой продуктивностью, надлежит подыскать себе другое занятие. Эту идею можно метафорически сравнить с проектом строительства здания, состоящего из одних лишь верхних этажей, в отсутствие нижних. Такое здание обречено либо парить в облаках, либо рухнуть. Подобно тому, и высокопродуктивные ученые могут быть таковыми лишь при поддержке тех, кто выполняет вспомогательные исследовательские функции.

История науки диктует необходимость пересмотра и узкоэкономических (а также бюрократических) представлений о том, из чего складывается ее эффективность и, соответственно, за что именно общество платит ученым. Давно подсчитано, что любое глобальное научное открытие, такое как легшее в основу изобретения электричества, телевидения или компьютера, *с лихвой окупает все расходы человечества на науку за всю ее историю*. Из этого с очевидностью следует, что *любые расходы на науку, в том числе и на содержащийся в ней «балласт», нерентабельными быть не могут* (что, конечно, не означает отсутствия необходимости определения приоритетных для страны научных направлений и т. п.). А вложения в нее, рентабельность которых в тот или иной момент времени кажется неочевидной, это вложения, которые неизбежно окупятся в дальнейшем, хотя, быть может, и не в обозримом будущем. Наука вообще не «работает вхолостую», а затраты на вроде бы «безликую массу» ученых, большая часть которой не создает чего-либо значительного, с лихвой окупаются одним гением, существование которого вне этой «массы» невозможно.

Здесь, конечно, возникает целый комплекс вопросов о взаимоотношениях национальной и интернациональной составляющих мировой науки, о том, кому достается основная часть прибыли от коммерциализации научных открытий, не остаются ли «с носом» те страны, выходцы из которых совершают свои открытия и изобретения за рубежом. Но, при всей их сложности, они все же не опровергают сформулированный выше тезис — о *неизбежной* рентабельности науки, хотя, конечно, первые «сливки» с научных открытий и изобретений снимают те страны, где эти открытия и изобретения совершены и успешно коммерциализированы.

Яркими примерами могут служить такие российские ученые-эмигранты, как В. К. Зворыкин и И. И. Сикорский, сформировавшиеся как ученые в России, но совершившие свои выдающиеся изобретения в эмиграции. Можно ли утверждать, что наша страна «потеряла» этих ученых, что их изобретения не принесли никакой «прибыли» России и, соответственно, ее вложения в их подготовку как ученых оказались «не рентабельными»? Это утверждение предполагало бы, что в наших магазинах не продаются телевизоры, что наша страна не производит вертолетов и т. д. А можно ли объявить «нерентабельными» расходы на поиск лекарств от рака или СПИДа, даже если они будут созданы в другой стране?

Почувствительна и обратная ситуация. Б. Г. Салтыков, который до сих пор считается «признанным лидером и идеологом реформаторского движения в российской науке» (Семенов, 2006:32), пишет: «Фундаментальные исследования — это исследования, выполняемые для всего мира; как мы шутим, такие страны “топят вселенную этими исследованиями”. Государство никакой отдачи от них не имеет, потому что их результаты открыто публикуются, и они становятся достоянием всего мира» (Салтыков, 2006:25). Помимо «обрезания» всех нерыночных и необоронных функ-

ций науки, это высказывание примечательно тем, что из него следует, будто какое-либо государство может «иметь отдачу» от научных исследований, если ими пользуется только данное государство. Так неужели наше государство не будет «иметь никакой отдачи» от изобретения лекарства от рака или СПИДа, если им воспользуются и другие страны? А страны, в которых были изобретены вакцины от чумы, холеры, оспы, «ничего не выиграли», поскольку вакцины стали достоянием всего человечества, и от этих болезней, выкашивавших население целых городов, перестали умирать и в других странах?

Непопулярное ретро

От узко рыночной стратегии развития отечественной науки, на первый взгляд, несколько отличается «образовательная» стратегия, наиболее радикальным вариантом которой является простой «перенос» отечественной науки, в том числе и академической, в вузы, т. е. наиболее лобовой вариант трансляции в нашу страну западной формы ее организации. Например, В. А. Куренной пишет: «Наиболее верным представляется перемещение фундаментально-научной деятельности из вымирающих или подлежащих трансформации академических институтов *в сферу высшего образования* (в первую очередь — университетов), что, с одной стороны, может как оздоровить эту последнюю, так и предоставить науке то пространство свободы исследования, которое органично может сочетаться с университетской свободой преподавания» (Куренной, 2002: 15). При этом явно недооценивается то «пустяковое» обстоятельство, что в западных странах наука возникла и преимущественно развивалась в университетах², у нас же исторический опыт ее возникновения и организации совершенно другой, а вполне «шариковская» идея «взять и переместить» ее в вузы ничем не лучше идеи переноса сибирских рек или идеи отдать ребенка другим родителям, которые ему больше подошли бы. К тому же вузовская наука у нас переживает не лучшие времена, постепенно превращаясь в студенческо-аспирантскую науку: большая часть эмпирических исследований проводится студентами и аспирантами, поскольку доценты и профессора «вынуждены крутиться», зарабатывая на жизнь разными способами, и на исследования у них не остается времени. В терминах В. А. Куренного, «свобода преподавания», к тому же, как правило, одновременно в разных вузах, «органично сочетается» с отсутствием времени для проведения исследований. Но подобные решения вполне в духе наших реформаторов, для которых происходящее с *реальными* учеными и научными институтами мало отличается от игры в монополию, на которой многие из них и были воспитаны.

Естественно, еще не списана в тираж и «приватизационная» стратегия, основанная на том, что, дескать, наши НИИ малоэффективны из-за того, что находятся в государственной собственности, а в частных руках они заработают исправно.

² Недооценивается и мнение многих науковедов о том, что западная наука эффективна не благодаря, а вопреки тому, что она развивается в университетах, поскольку преподавание поглощает немало времени (несмотря на то, что учебные нагрузки зарубежных преподавателей намного меньше, чем наших), все громче звучит неудовлетворенность этой моделью, которая, кстати говоря, отнюдь не универсальна для западных стран, а такие страны, как Япония, начинают от нее отказываться.

Идея, пришедшая из начала 1990-х — времени повсеместной приватизации, впоследствии окрещенной «прихватизацией», популярна в реформаторской среде и поныне. Накоплен и соответствующий опыт — опыт приватизации отраслевых НИИ в начале 1990-х гг. Естественно, мнения по поводу результатов этой приватизации ее инициаторов и тех, кто пожинает ее результаты, существенно расходятся. «Проведенная поспешно и с ошибками приватизация отраслевых научно-технических организаций, тем не менее, открыла путь к созданию нормальной для рыночной экономики “внутрифирменной” науки. Появилось много примеров успешно работающих научно-технических структур, практически целиком финансируемых промышленными предприятиями», — пишет Б. Г. Салтыков (Салтыков, 2002:41). А С. В. Егеров и В. П. Юшин приватизированные предприятия научно-технической сферы оценивают так: «Их успех, если они его добьются, будет сильнейшим аргументом в пользу приватизации следующей группы. Однако об этих достижениях известно мало. Известно, например, что численность КБ (приватизированных в начале 90-х — А. Ю.) быстро сокращается — с 513 в 1996 г. до 228 в 2003 г. Численность занятых в этих организациях также падает — со 114 тыс. чел. (1996) до 42 тыс. чел. (2003)» (Егеров, Юшин, 2007:11). Высказываются и куда более жесткие оценки последствий приватизации отраслевой науки. Однако, если учесть одну из главных целей Б. Г. Салтыкова в отношении отечественной науки: «за 3–5 лет она должна будет сократиться в 2–3 раза и приобрести размеры, соответствующие экономическим возможностям нового государства» (Салтыков, 2002:32), — то цель реформаторов, выразимая формулой «чем меньше науки, тем лучше», несомненно, была достигнута.

Двигаться бы и дальше этим курсом до полного уничтожения отечественной науки путем приватизации наших НИИ. Да вот незадача: страна развернулась в обратном направлении — от «прихватизаторских» интенций начала 1990-х к ориентации на социальное государство, а эволюция отношения нашего общества к реформаторам начала 1990-х выразилась в динамике отношения к их главному сосредоточению — СПС (на выборах в ГД 1999 г. — 8,52 % голосов, 2003 г. — 3,97 %, 2007 г. — 0,96 %, что напоминает скатывание вниз по крутой лестнице). Наше общество явно отвергает и этих людей, и их идеологию, чего они сами, конечно, не могут не чувствовать, а в современном российском обществе все громче звучат призывы к ренационализации разворованного (выражение В. В. Путина) в начале 1990-х. В этих условиях идея приватизации отечественных НИИ выглядит как непопулярное ретро, как попытка повторить в отечественной науке то, что уже отвергнуто нашим обществом³, и напоминает плавание против сильного течения, явно небезопасное для пловцов. При этом, как отмечает А. Т. Бикбов, «ориентированная на изменение научной инфраструктуры, в отрыве от вписанных в нее ученых, либеральная доктрина наталкивается на “внезапные” трудности, объяснение которых состоит в исходном упрощении собственных посылок и сведении науки к ее техническому и коммерческому аспектам» (Бикбов, 2002:201).

³ Преемственность между подобной политикой в сфере науки и либеральными реформами нашего общества начала 1990-х отмечается достаточно часто. Например: «Либеральная революция, открытая шоковой терапией начала 1990-х, с большой отсрочкой, а потому почти незаметно (по крайней мере, пока), финиширует в сфере науки (Бикбов, 2002:195). Соответственно, отношение к этой политике в значительной мере коррелирует с отношением к гайдаровским реформам.

Впрочем, упорство псевдолибералов, которые продолжают плыть против течения, психологически понятно: признание своих ошибок (а это тот самый случай, когда ошибка хуже преступления), совершенных в 1990-е, чревато для них серьезными последствиями — несмотря на то, что у нас отсутствует традиция наказывать реформаторов,⁴ что бы они не совершали, и вообще власть, как правило, безответственна (вынесем за скобки моральную ответственность в виде проклятий населения), но ситуация может измениться.

Показательно отношение к *фундаментальной* науке ее не слишком успешных реформаторов, в частности, первого российского министра науки Б. Г. Салтыкова, который, и покинув этот пост, не оставил своих реформаторских планов, реализуя их в качестве «теневого идеолога» реформ. «Фундаментальные исследования как феномен — это виртуальная реальность»⁵ (Салтыков, 2006:24), «фундаментальные исследования — это удел очень богатых экономик вообще» (Салтыков, 2006:25), «в РАН примерно 40 % работ не являются фундаментальными, и это скорее заслуга — реализуется выход в практику» (Салтыков, 2006:26), — очень характерные для него высказывания. Отсюда — соответствующие оценки причин кризиса отечественной науки: «Беда этой великой науки — а она была второй в мире после американской — в том, что она целиком опиралась на фундамент советской административно-командной экономики; и когда экономика в целом проиграла холодную войну, а вместе с ней — научно-техническую гонку, то и участь великой советской науки была предрешена. Ни на каком другом фундаменте она существовать не могла» (Салтыков, 2006:8), «было ясно, что неизбежно за 2–3 года число научных сотрудников в стране сократится в 2–3 раза» (Салтыков, 2006:15), «если ставить на первое место задачу сохранить потенциал, способность производить современные знания, то можно было оставить только лучшее» (Салтыков, 2006:16). А также — и ответ на традиционный российский вопрос «Что делать?»: «необходимо строить новую науку — рядом» (Салтыков, 2006:28), «я бы предложил всем директорам (академических институтов — А. Ю.) уйти на пенсию и дать дорогу молодым» (Салтыков, 2006:28).

Еще жестче звучат некоторые высказывания о членах Российской академии наук М. А. Колерова, бывшего начальника управления Президента России по межрегиональным и культурным связям: «А они, собаки, не мрут. Они в этом хосписе научились размножаться. Их туда умирать послали, а они размножаются и строят этажи, дачи» (Наука без государства, 2002:159), «Академия — это коррупция» (Наука без государства, 2002:161), «Даже олигархов иногда арестовывают. А ученых — нет. Почему?» (Наука без государства, 2002:159).

Естественно, подобное отношение к «не новой» отечественной науке, которой мир обязан началом освоения космического пространства и многим другим,

⁴ «Псевдо» потому, что, например, в «Русском либеральном манифесте», разработанном СПС, представители этой политической силы характеризуются как продолжатели традиций таких русских либералов, как М. М. Сперанский, Б. Н. Чичерин, С. Ю. Витте, в то время как на самом деле они являются продолжателями традиций О. Бендера, в чем наши граждане, наконец, разобрались.

⁵ Подобные оценки дают и некоторые журналисты. Например: «Фундаментальная (она же — академическая) наука больше не существует. Спор идет о некоем виртуальном семиотическом фантоме» (Ваганов, 2006:57). Интересно, кем же тогда считать 50 тыс. наших академических ученых — армией Фантомасов?

а также к фундаментальной науке и к науке вообще, весьма характерное для ее отечественных реформаторов (как правило, либо являющихся «выходцами из науки», давно ею не занимающимися, либо вообще никогда не занимавшихся ею), не может не влиять на и без того не слишком позитивное отношение к ней массового сознания, что еще больше ухудшает ее положение в России. Вместе с тем налицо и тот факт, что в общественном мнении отечественная фундаментальная наука и, в частности, Российская академия наук, выглядят лучше, чем в представлении реформаторов. Так, на вопрос: «Какую роль, по Вашему мнению, играет Академия наук в развитии отечественной науки сегодня — положительную, отрицательную, или никакой роли не играет?», 65 % респондентов ответили, что РАН играет положительную роль, 27 % — что не играет никакой роли, лишь 2 % — что она играет отрицательную роль, и 6 % затруднились ответить. В то же время 88 % опрошенных считают, что авторитет Академии наук снизился по сравнению с советскими временами, а 53 % — что она сейчас решает не связанные с наукой проблемы, очевидно, не от хорошей жизни (Академия наук в общественном мнении, 2002). Другой опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение», тоже выявил доминирование в массовом сознании позитивного отношения к ученым. Так, среди качеств, которые присущи настоящему ученому, респонденты чаще всего отмечали высокий интеллект, работоспособность и высокие нравственные качества (Ученый в общественном мнении, 2002). Вместе с тем они констатировали снижение авторитета ученых по сравнению с советскими временами (его отметили 53 % опрошенных), а также то прискорбное обстоятельство, что научные знания не смогли преобразовать к лучшему наши общественное устройство и общественную жизнь (Ученый в общественном мнении, 2002).

Таким образом, налицо асимметрия отношения к отечественной науке ее реформаторов и массового сознания. Если реформаторы видят корень всех бед в самой отечественной науке и не устают ее критиковать, то большинство наших граждан относятся к ней сочувственно и уважительно, однако считают, что обновленное российское общество пока не научилось ее использовать.

Рассматривая перспективы ее использования рыночным обществом, следует подчеркнуть, что «напрямую в рыночную экономику вписывается только прикладное знание» (Семенова, 2006:280). Данное, достаточно очевидное, обстоятельство совершенно игнорируется отпускающими нашей фундаментальной (в первую очередь, академической) науке упреки в ее «нерыночном» характере. В результате неудивительно, что, как отмечает Е. Б. Ленчук, «в настоящее время российское государство отошло от решения проблем науки и высокотехнологичных отраслей, отдавая все на откуп рынку» (Ленчук, 2006:161). В то же время справедливо отмечается, что и «рыночная» стратегия развития науки предполагает не «откуп рынку», а ее государственную поддержку, что характерно для всех развитых стран. Приводятся данные о том, что в тех отраслевых научных организациях России, которые не были охвачены, а фактически смыты первой волной приватизации, имели государственную поддержку и сильные научные школы, наблюдается достаточно высокая патентная активность (Воронкина, Иванова, Рыбакова, 2006). Отмечается и то, что интерес частных коммерческих предприятий к новым научным разработкам в нашей стране пока невысок, и только государство способно взять на себя коммерческие риски, связанные с непредсказуемостью результатов научного поиска, особенно в условиях, когда наша страна объявила

курс на построение «экономики знаний», не завершив предшествующую ей стадию индустриального развития, что предполагает очередной «рывок» (Воронкина, Иванова, Рыбакова, 2006).

Держащая территорию

Стоит обратить внимание и на результаты, полученные в исследовании С. Б. Шапошника. Оно продемонстрировало, что наибольшую корреляцию с использованием информационно-коммуникативных технологий в регионах России (как с общим индексом использования ИКТ, так и с проникновением в российские регионы Интернета) обнаруживает такой показатель, как доля исследователей в населении региона. «Эта небольшая группа населения (в среднем около 0,3 % населения страны) оказалась важной предпосылкой распространения и использования новых технологий в регионах (коэффициент корреляции 0,561)», — пишет С. Б. Шапошник (Шапошник, 2006:375). В этой связи он отмечает, что традиционно роль науки в социально-экономическом развитии рассматривалась в трех основных аспектах: 1) как поставщика новых знаний о природе и обществе, 2) как источника основанных на научных исследованиях технологий и технологических инноваций, 3) как участника формирования и распространения в обществе квалификаций (через систему образования), что, в общем, совпадает с выделенными нами ранее 1) познавательной, 2) технологической и 3) образовательной функциями науки (Юревич, Цапенко, 2001). Однако описанные данные позволяют акцентировать еще один важный вклад науки в развитие общества: «Научное сообщество выступает здесь в роли лидера в освоении и проводника в социальной среде широкого круга социально-технологических инноваций» (Шапошник, 2006:376).

Близкую мысль высказывает Ю. Н. Андреев: «В более широком смысле наука “держит территорию” так же, как и другие социальные и экономические виды деятельности. Без присутствия научной деятельности ослабевает способность населения региона к восприятию новаций, снижаются возможности формирования грамотного слоя администрации, уменьшается и способность региона к разработке и реализации целевых программ, эффективному использованию предоставляемой экономической помощи» (Андреев, 2006:324). В этом плане показателен тот факт, что в администрации инновационных регионов, как правило, присутствуют люди, имеющие непосредственное отношение к науке. Справедливо отмечается и то, что значительное уменьшение численности научных кадров и отток их из науки могут стать важнейшими факторами, препятствующими переводу нашей страны на инновационный путь развития (Варшавский, 2006:90). А политика форсированного сокращения численности ученых путем регулярных и инспирированных сверху сокращений в наших НИИ сильно напоминает «подрубание» того самого дерева, на котором только и можно вырастить инновационную экономику. Очень поучительным является также воздействие развития науки и техники на возрастание численности населения, выявленное социологами науки (Лили, 1970), хотя связь здесь, естественно, очень непростая и нелинейная. Тем не менее, она отчетливо выражена и в новейшей истории нашей страны (Ваганов, 2007).

Еще более очевидна связь между состоянием общества и уровнем развития социо-гуманитарной науки, точнее, тем, в какой мере организация общества опи-

рается на нее. Ведь главная прикладная функция социальной науки — *оптимизация механизма управления обществом*, и оно управляемо в той мере, в какой его организация основана на рекомендациях науки, а, скажем, не на клановых интересах коррумпированных чиновников.

Чиновники регулярно высказываются в том духе, что нашей стране, дескать, нужна только передовая наука, ни в чем не уступающая западной, а не-передовая наука, как и осетрина не первой свежести, — это деньги, истраченные на бракованный товар. Такая позиция основана на том, что, если мы не способны создавать новое научное знание первыми, не стоит создавать его вообще, поскольку не первый тратит деньги впустую, создавая то, что уже создано, т. е., в общем-то, изобретает велосипед. Она была бы оправданной, если бы единственной функцией науки было производство научного знания. Описанное же выше многообразие ее функций, означающее необходимость для общества не только передовой науки, делает эту позицию нелепой и напоминающей идею о том, что если ученый не может рассчитывать на Нобелевскую премию, ему лучше вообще не заниматься наукой, а — в житейском варианте подобной ситуации — если человек не может быть самым умным, ему лучше вообще не думать.

Недавно ушедший из жизни академик Н. А. Платэ акцентировал роль науки как «разумного, доброго, вечного», как одной из главных опор в нашем быстро изменяющемся и подверженном всевозможным порокам обществе, что особенно актуально для современной России, где все подобные пороки проявляются с особой остротой (Платэ, 2000). И действительно, можно предположить, что если бы наше нынешнее отравленное псевдорыночными и псевдолиберальными идеологемами общество («каждый зарабатывает, как может», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает», «можно все, что не запрещено законом» и т. п.), характеризующееся разрушением нравственных принципов, криминализацией, коррупцией, засильем колдунов, астрологов и экстрасенсов, не обладало бы таким *противовесом* всем этим деструктивным явлениям, как наука, оно не только было бы еще хуже, но и вообще не имело бы перспектив возрождения. И не случайно именно отечественная наука, прежде всего государственная, подвергается массированным атакам со стороны ее реформаторов, а также со стороны многих представителей политической и бизнес-элиты, отчетливо ощущающих оппозиционность нашего научного сообщества тому, что она делает со страной.

Но даже если принять прагматический пафос реформаторов в отношении науки, признав, что она нужна не для «удовлетворения любопытства» и не для достижения «высоких целей», а для решения практических задач, то и тут есть, что оспорить. Как и тезис о том, что фундаментальная наука — слишком «дорогая» для такой «бедной» страны, как наша, которая, кстати, находится на втором месте в мире по количеству миллиардеров, и на одном из первых — по вывозу капитала за рубеж и по приобретению предметов роскоши. В годы Великой Отечественной войны наша страна не была богаче, чем сейчас, а ее граждане не распоряжались деньгами столь же расточительно. Тем не менее, финансирование Академии наук было увеличено в 1.2 раза (Фортов, 2002). Причина состоит не в том, что управлявший страной в те годы человек не был прагматиком или не умел считать деньги, а в том, что он, при всех его недостатках, был куда более дальновидным прагматиком, нежели нынешние реформаторы отечественной науки.

Трудно не согласиться с тем, что «коренная причина кризисного состояния научно-технического сектора заключается в том, что заданные в 1991 году “шо-

ковые” темпы сокращения федеральных ассигнований многократно опережали возможные темпы адаптации нашей науки к новым условиям (а не в том, что она вообще не адаптировалась к этим условиям, в чем ее нередко обвиняют реформаторы — А. Ю.). И если для экономики и материального производства рыночные отношения являются мощным фактором развития, то для науки это вовсе не так» (Фортов, 2002:44).

Вместе с тем, как показывает опыт западных стран, рынок служит мощным фактором развития науки. Но только в том случае, если это — современный, инновационный рынок, основанный на производстве и распространении нового научного знания, а не на вывозе сырья, примитивных финансово-торговых операциях и всевозможных видах мошенничества. Если это — Рынок с большой буквы, а не, скажем, Тушинский, Савеловский рынок, а, тем более, не печально известный «Черкизон». Не отечественную науку следует насильственно приспособлять к рынку, а очень специфический отечественный вариант рыночной экономики следует видоизменять в соответствии с потребностями научно-технического прогресса,⁶ что, собственно, и предполагает взятый нынешней властью курс на превращение сырьевой экономики в «экономику знаний». Однако налицо противоречие деклараций с реальностью, поскольку, как часто и справедливо отмечается, «наше современное законодательство, в должной мере стимулирующее частный бизнес, торговлю и приватизацию, фактически не содержит принятых во всем мире преференций для науки и техники» (Фортов, 2002:47),⁷ и в результате «инновационный бизнес в нынешней России уступает по прибыльности утилизации цветного металлолома» (Дорошенко, Коршевер, Матизен, 2002:265). Довольно странно выглядит и то обстоятельство, что «сняв с себя ответственность за отопление и освещение научных институтов, государство начинает упрекать ученых за низкую эффективность работы» (Егерев, Юшин, 2007:16).

Отечественные ученые справедливо сетуют на отсутствие внятного *социального заказа* отечественной науке, который был очень четко выражен в советские времена (сделать атомную бомбу, запустить в Космос летательный аппарат и т. д.). Остро не достает ей, как и всему нашему обществу, и *романтической идеи*, какой были в прежние времена освоение Космоса или строительство коммунизма, создававшие в обществе настрой, который можно обозначить как «романтический сциентизм» (Юревич, Цапенко, 2001). А пришедшие на смену всему этому призывы «адаптироваться к рыночной экономике» и т. п. сильно напоминают предложение из известной сказки «пойди туда, не знаю куда». Как пишет Е. В. Семенов, «российская наука утратила социально значимые функции в собственном обществе и, как следствие, выпала из системы обмена деятельностью с другими сферами жизнедеятельности общества» (Семенов, 2007:39). В результате между отечественной наукой и нашим обществом, прежде всего властью, возникает взаимное непонимание: власть ждет от науки «конкретных предложений» и их отсутствие воспринимает как показатель того, что науке нечего предложить, ученые ожидают

⁶ Довольно часто отмечается и то, что «Коммерциализировать надо продукт науки, а не ее саму» (Гринберг, 2007:587).

⁷ В данной связи уместно вспомнить, что, например, в США зарплата начинающего ученого превышает средний заработок в стране в 1,5–2 раза, а зарплата профессуры — в 5 раз (Егерев, Юшин, 2007), и «даже в относительно бедных странах, развивающихся не на словах, а на деле, наука относится к числу реальных приоритетов общества» (Фортов, 2002:19).

от власти и всего нашего общества четкого социального заказа, а его отсутствие рассматривают как индикатор того, что им «наука не нужна». История демонстрирует: когда власть хорошо знает, что ей нужно от науки, то «все встает на свои места» под влиянием социального заказа. В такой ситуации науке становится проще и в том плане, что ей нет нужды доказывать обществу, почему она ему необходима, ибо это знает власть и, в принципе, берет на себя трансляцию тезиса о «необходимости науки» в массовое сознание.

В результате, то, что принято называть адекватной научной политикой, которую наша страна безуспешно пытается выработать уже более 15 лет, раскладывается на три основных составляющих: 1) выработка четкого и максимально конкретного социального заказа отечественной науке, 2) создание условий — материальных, организационных и др. — для его выполнения, 3) «расчистка дороги» науке в виде рационализации массового сознания, устранения конкуренции со стороны магов, астрологов, колдунов, а также всевозможных видов псевдонауки. Трудно не согласиться с С. Ю. Гутманом в том, что «Необходимы радикальные меры по реформированию не только самой науки, но и всего государственного и общественного подхода к ней» (Гутман, 2006:303). Еще категоричнее С. Г. Кара-Мурза, который пишет, что нашей стране «для перехода к инновационному пути развития необходимо кардинальное изменение всех сторон общественного бытия» (Кара-Мурза, 2007:228), иначе, по его мнению, мы будем обречены на «анклавное технологическое развитие», как в случае ставки на нанотехнологии (разовьем нанотехнологии, но запустим все остальное). И действительно, опыт последних лет убедительно свидетельствует о том, что попытки создания инновационной экономики путем «внутренних» изменений в отечественной науке не дают результатов. Необходимы соответствующие изменения всего нашего общества, а не только его науки.

Литература

- Академия наук в общественном мнении // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 234–238.
- Андреев Ю. Н. Потенциал взаимодействия регионов и федеральных органов власти в научно-технической сфере // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 320–335.
- Бикбов В. Государство в научной проекции // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 189–202.
- Ваганов А. Г. Заметки к спорам о судьбе фундаментальной науки // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 62–71.
- Ваганов А. Г. Научно-популярная литература и престиж науки в обществе // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 55–73.
- Варшавский Л. Е. Проблемы развития кадрового потенциала науки // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 90–103.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Воронкина Л. В., Иванова О. В., Рыбакова Л. И. Некоторые вопросы ресурсного обеспечения и результативности деятельности государственных научных организаций // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 140–153.
- Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН, 2007, Т. 77, № 7. С. 584–592.
- Гутман С. Ю. Сопоставительный анализ состояния некоторых компонентов сферы исследований и разработок в России и странах ОЭСР // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 295–303.

Егерев С. В., Юшин В. П. Будущее российской науки в работах перестроечных авторов — взгляд через 20 лет // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 7—19.

Дорошенко В., Коршевер И., Мартизен В. Новосибирский научный центр: есть ли альтернатива? // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 259—272.

Кара-Мурза С. Г. Проблемы развития инновационной сферы России // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 214—232.

Куренной В. Государство, капитал и мировое научное сообщество // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 11—21.

Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Философия. Наука, Культура (под ред. В. А. Лекторского). М.: Вече, 2008. С. 699—703.

Ленчук Е. Б. Проблемы перехода России к инновационной модели развития // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 154—168.

Лили С. Люди, машины и история. История орудий труда и машин в ее связи с общественным прогрессом. М.: Прогресс, 1970.

Наука без государства. Беседа Модеста Колерова с Михаилом Сперанским // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 150—162.

Платэ Н. А. Наука и российское общество на рубеже веков // Поиск, № 50, 2000

Прихидько А. И. Социально-психологические аспекты адаптации российских ученых к социальным изменениям // Вопросы психологии, 2008, № 1. С. 101—110.

Рац М. В. Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр, 1997.

Садовничий В. А. Стратегические вопросы развития науки и образования в России при построении информационного общества // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 4. М., 2004. С. 153—163.

Салтыков Б. Г. Реформирование российской науки: анализ и перспективы // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 25—41.

Салтыков Б. Г. Уроки реформирования российской науки (последнее десятилетие XX — начало XXI вв.) // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 5—28.

Семенов Е. В. Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 29—61.

Семенов Е. В. Человеческий капитал в российской науке // Наука. Инновации. Образование. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 20—40.

Семенова Н. Н. Наука в условиях глобализации // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 276—294.

Ученый в общественном мнении // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 346—349.

Фортов В. Отечественная наука в переходный период // Отечественные записки, 2002, № 7. С. 43—52.

Шапошник С. Б. Роль человеческого капитала в электронном развитии регионов России // Наука. Инновации. Образование. М.: Парад, 2006. С. 368—377.

Юревич А. В. Социальная психология науки. М.: Издательство Русского христианского гуманитарного университета, 2001.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М.: УРСС, 2001.

Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.

Toqueville A. The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor, 1955.